

П Е Р Е В О Д Ы

Т.С. Элиот

КАМЕНЬ

х о р ы

I

Звездный Орел парит в зените Небес,
Стрелец и Гончие Псы — в погоне извечной, по кругу.
О, вечное круговращенье узоров из звезд,
О, возвращение вечное предвечных времен года
В мир с весной и осенью, рождением и смертью!
Нескончаемый круговорот мысли и действия,
Неиссякаемой изобретательности, некончающегося эксперимента
Приносит познание движений, но не покоя,
Познание речей, но не безмолвия,
Знание слов и неведение Слова.
Все наши познания приближают нас к невежеству,
Всё наше невежество приближает нас к смерти,
Но сближение со смертью не есть приближение к Б о г у.
Где Жизнь, утраченная нами в умении жить?
Где мудрость, утерянная нами в познании?
Где знания, потерянные нами среди информации?
Круги, свершенные Небом за двадцать столетий,
От Бога нас удалили, приблизив нас к Праху.

Гулял я по Лондону, в Сити, скупом на время,
Там, где Река течет, барышами заморскими пенясь.
Там мне сказали: у нас тут церквей слишком много,
А перекусить — почти нигде. Ещё мне сказали:
Пусть бы попы отдохнули. На что человеку Церковь
Там, где он занят работой? Ведь есть у людей выходные...
Благовест вряд ли уместен, если кругом конторы:
Пригород пусть просыпается под колокольный звон.
В пригород я пошел, и там мне сказали:
В будни — шесть дней — мы работаем, а по воскресеньям — отдых,
И мы уезжаем в машинах в Хиндхэд или Мейденхэд.

А в непогоду сидим по домам и читаем газеты.
А в заводских районах мне рассказывать стали
Про экономику и про её законы.
А близ хуторка как-то вдруг показалось, что нынче
Сельская местность годна лишь для прогулок и пикников.
И Церковь, как будто, совсем не нужна ни деревне,
Ни пригороду богатому, а центру города — разве
Лишь эстетичности, ради оформления вступления в брак.

Начальник хора:

Вонмем! и сохраним почтительное удаление.
Ибо я чувствую приближение
Камня. Он может рассеять наши сомненья.
Камень. Страж. Странник.
Зревший бывшее прежде.
Провидящий события в грядущем.
Свидетель. Судия. Странник.
Бог колеблет его, и в нем зарождается правда.

Появляется Камень в сопровождении Юноши

Камень:

Доля людская — нескончаемый тяжкий труд,
Либо праздность — безделье иль безработица, — это ещё тяжелее,
Или занятость непостоянная, — и это тоже безрадостно.
Я топтал виноградные лозы гроздь в точиле один, и я знаю,
Как это трудно: стать верным, воистину нужным, отвергнув
То, в чем обычно пытаются счастье найти, и стремиться
К благу, ввергаясь — тем самым — в неизвестность, и нелюбимому
ятно

Всех принимать: и заклеянных позором,
И почитаемых всеми, и нелюбимых никем.

Все люди готовы вкладывать деньги,
Но большинство рассчитывает получить прибыль.
Я говорю вам: Очистите ваши желанья.
Я говорю вам: не думайте об урожае,
Но попечитесь о том, чтобы сеять, как должно.

Вращается мир и меняется мир,
И только одно — неизменно вовеки:
Во все мои дни одно никогда не менялось,
Быть может, не всем это по нраву, но извечно и непреходяще
Сражение это — боренье Добра со Злом.
Непамятливые, вы оставили ваши святини, покинули ваши церкви;
О люди века сего, вы готовы всегда посмеяться
Над совершаемым благом, стремясь подыскать объясненья,
Которыми был бы доволен просвященный и гибкий разум.
И ещё, вы не придаете значенья пустыням, зачастую их не замеча-
чая.

А пустыня — не где-то вдали, на тропическом Юге.
Пустыня — не только за поворотом.
Пустыня зияет в вагоне метро, совсем рядом с вами.
Пустыня раскинулась в сердце вашего брата.
Блажен созидатель, коль он возводит благое, —
Я хочу показать вам то, что творится ныне,
И ещё, кое-что из происходившего прежде,
Что вы сможете сердцем принять. Да будет чиста ваша воля.
Я хочу показать вам смиренья труды. Внемлите.

Освещение меркнет: в полумраке слышатся голоса поющих Р а —
б о ч и х.

На свободе пустырей
Строить новое мы станем
Руки есть и есть машины
Глина есть для кирпичей
И известка для раствора
Там где кирпичи упали
Тесаный положим камень
Где опоры ослабели
Бревна прочные поставим
Там где слово неизвестно
Будем строить с речью новой
Труд совместный и соборный:
Церковь для всех

Работа у всех
Дело каждому по плечу

Группа Рабочих теперь четко вырисовывается на фоне
неяркого неба. Издали в ответ доносятся голоса Безра-
ботных.

Нас никто нанять не хочет
И мы ходим руки-в-брюки
Головы свои понутив
То торчим на перекрестках
То дрожим в лачугах темных.
Только ветер по-над-полем
Незасеянным, где ржавый
Плуг валяется. В стране
Этой — хоть бы сигарета
На двоих была, да кружка
Пива горького. В стране
Этой нет для нас работы.
Живы мы — кому есть дело?
А помрем — смолчат газеты.

Снова слышится песня Рабочих.

Река течет, времена года свершают круг.
Ни воробей, ни скворец попусту время не тратят.
Если людям не строить,
Как им жить?
Если возделано поле
И хлебом стало зерно
Человек не умрет, где попало:
В жалкой лачуге, или на улице, где
Ни начала, ни движенья, ни покоя, ни конца,
Лишь шум без слов членораздельных, и пища не имеет
вкуса.
Без промедленья и без спешки
Мы выстроим на этой улице начало её и конец её.
Мы созиждем смысл:
Церковь для всех

И работа у всех
И у каждого по силам его дело.

II

Итак, ваши отцы устроили из себя

Сотраждан святым, дом дуловный, жилище Б о ж и е,

утверждаясь на основаньи

Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным
камнем.

А вы, хорошо ли строили вы, что сидите теперь, так беспомощно,
в рухнувшем доме?

Где стольким рождающимся уготована праздность, или безработица,
или никчемная жизнь с жалкой смертью в конце, жизнь,
отравляемая презреньем, как бы в улье, в котором нет меда,

А те, кто мог бы строить и восстанавливать разрушающееся, они
опускают руки свои или устремляют взоры свои к странам
чуждым, в надежде на подаянье или наполнение сосудов.

Построенное вами разваливается на плохо состыкованные части,
и вы сидите, опозоренные и устыженные, и дивитесь: как это
мыслимо: устроить из вас жилище Б о ж и е Духом, Который
носился над лицом вод, как бы фонарик на спине некоей
черепахи.

И одни говорят: "Как это возможно для нас любить ближнего
своего? Ведь любовь должна проявляться делами, подобно то-
му, как желание соединяет с желанным; а всё — что у нас
есть, это — наш труд, а наш труд никому не нужен.

И мы все чего-то ждем на распутьях дорог, и пусты руки наши,
и песни наши никто не желает слушать;

И мы ожидаем, что вот, наконец, придет час, и нас выбросят
на поприще, в кучу мусора, что бесполезней навоза".

Вы, строили ль вы, как должно? помнили вы или нет о крае-
угольном камне?

Столько было разговоров об отношениях между людьми, а кто
вспоминал об отношении людей к Б о г у?

"Наше отечество на Небесах", — о да, но оно же есть образ
для домостроительства здесь, на земле.

Когда отцы ваши выделили место Б о г у
И разобрались со всеми неудобными в общезнании святыми,
Апостолами, свидетелями, мучениками (см.: Уипснейд),
Тогда и стало возможным для них приступить к расширению
империи,
Какое сопровождалось развитием промышленности,
Экспортом угля, стали и хлопчатобумажных изделий
И прочего, включая капитал
И несколько переводов Слова Б о ж и я:
Британская раса уверовала в свою миссию
И стремилась исполнить её, но забывая о неурядицах многих
в собственном доме.

От всего содеянного в прошлом остаются плоды, и вкушать их
приходится ныне: поспели они, или сгнили.
И домостроительство в Церкви должно совершаться вовеки: ибо
Церковь все время ветшает, и всегда — вновь и вновь —
созидать Её должно.
Ибо за каждое злое деяние, бывшее в прошлом, ныне нам воздаётся:
За небрежение, корыстолюбие, чревоугодие, за отвержение
Б о ж и я Слова,
За гордость, похоть, неверность, за всякий грех, за все деяния греха.
А то, что содеялось благом, составляет наследие ныне.
Ибо и благие и злые дела принадлежны лишь человеку, одному
человеку, но он один остается лишь по ту сторону смерти,
А здесь на земле, всем воздается за всё: и благое, и злое, —
за всё, что было содеяно прежде.
И всё, что является злом, возможно исправить, если всем —
вместе и в покаянии смиренном — ко исправлению стремиться,
отцев грехи искупая;
А доброе и благое, оставленное в наследство, защищать своими
сердцами, столь же верными, что и сердца отцев, в борении
добывших это благое.
Домостроительство Церкви должно совершаться вовеки, ибо
Церковь всегда изнутри ветшает, и на Нее нападают снаружи;

Мною вам дарованы губы, и вы их посредством изображаете дру-
желюбие,
Мною вам дарованы сердца, и вы вечно лелеете в них недоверье
друг к другу,
Мною вам дарована свобода выбора, и вы вечно колеблетесь
Между бесплодной созерцательностью и опрометчивостью поступка.
Многие из вас сочиняют книги или хлопочут об их напечатании,
Многие страстно желают увидеть имя свое в печати,
Многие не читают ничего, кроме спортивных заметок.
Много читаете вы, но только не Слово Б о ж и е.
Много строите вы, но только не Дом Б о ж и й.
Уж не надеетесь ли вы угодить Мне, соорудив для Меня оштукату-
ренную хибарку с проржавевшей крышей,
Заполняемую дребеденью воскресных газет?

1-й мужской голос:

Глас с Востока:

Чего ждать на берегу, у которого ныне дымят суда?
Не будет ли мой народ покинут, оставлен беспамятью и забвенью?
Брошен во власти безделья, безработицы, нудной работы, безу-
мия оцепененья?

Так, что останется только рухнувшая труба,
Да шелуха от семечек, да кучи ржавого железа
На улице, битой щебенкой покрытой, где будет слоняться коза,
Где Слово Мое проповедано не было.

2-й мужской голос:

Глас с Севера, с Запада, с Юга,

Отовсюду, откуда

Ежедневно устремляются тысячи иш в Сити, в Сити, что так ску-
пится на время;

Где Слово Мое проповедано не было,
В стране крученных мячей и спортивных костюмов фланелевых
Кролики выроют норы и она зарастет чертополохом и терном,
Аккуратные дворики с гравием на дорожках зарастут крапивой,
И поведает ветер: "Здесь жили очень приличные и безбожные

люди,

И всё, что от них осталось,
Это — множество асфальтированных дорог
И тысячи потерявшихся мячиков для игры в гольф".

Хор:

Тщетно мы строим, если Г о с п о д ь не строит с нами.
Не защитить город, и даже Сити, если Б о г не хранит ~~ниги~~
его.

Тысячи блюстителей порядка, регулирующих уличное движение
Не объяснят тебе, почему и зачем и куда ты идешь.

Термиты, морские свинки, сурки

Строят лучше, чем созидющие без Г о с п о д а.

Неужто нам вечно влечить свои стопы среди вечных руин?

Мне подобало любить красоту Твоего Дома, мир и покой Твоего
святилища,

Благоговейно входить под твой кров и украшать Твой алтарь.

Где храма нет, там и домов не будет,

Пусть даже там есть *р* приюты и прочие учреждения,

И постоянные дворы, и ночлежки за поденную плату,

И вечно сырые подвалы, где жиреют крысы,

И гигиеничные квартирки с номерными табличками на дверях,

И даже собственные домики, и, бывает, получше, чем у ближнего,
то бишь соседа;

И спросит тогда Странник: "А на что город этот? Каково его
назначение?"

Чего в такой тесноте ютиться? Неужто,

Вы так любите друг друга, что быть желаете вместе —

Друг к другу как можно ближе?"

И как отвечать тогда Страннику? Мол: "Мы все селимся вместе,

Чтоб наживаться друг на друге"? Или: "Это — община наша"?

А Странник уйдет, удалится опять в пустыню.

О, душа моя, готова будь к пришествию Странника.

Готовься к приходу знающего, как отвечать на вопрос.

О, унылая утомленность людей, отвратившихся от Б о г а

Ради возношенья разума и восславления своих деяний,

Ради искусств и изобретений и рискованных предприятий,

Ради надуманных схем величья человека, — эти схемы всегда
и везде и полностью проваливаются;
Вы обуздали земли и воды, поставили их себе на службу,
Вы вычерпываете моря и разоряете горы,
Вы делите все звезды на заурядные и выдающиеся,
Конструируете замечательнейшие холодильники,
Разрабатываете разумную мораль,
Печатаете книги, до ~~ши~~ предела увеличивая тиражи и число наз-
ваний,
Видумываете себе счастье, интригуете, воплощая его, и швыря-
етесь пустыми бутылками,
Мечетесь между полнейшим равнодушием и разгоряченной восторжен-
ностью
По отношению к нации, расе, или тому, что зовется у вас
человечностью.
Но, хотя вы и позабыли дорогу в Храм,
Есть путник, который сумеет найти дорогу к вашему дому:
От Жизни, быть может, вы и смогли уклониться, но вам не уйти
от Смерти.
Вы не сумеете отказать в гостеприимстве Страннику.

IV

Всегда есть такие, которые станут строить Храм,
И такие, которым лучше, чтоб Храм не строился вовсе.
И в дни Неемии-пророка
Не бывало исключений из этого общего правила.
В царском дворце, в Сузах, в месяце Нисане
Он подавал вино царю Артаксерксу,
Будучи опечален разрушением Иерусалима.
И царь, узнав о причине его печали, позволил покинуть Сузы,
Дабы Неемия смог отстроить Иерусалим.
И пришел Неемия с немногими людьми в Иерусалим,
И проехал мимо источника Драконова к воротам Навозным,
И затем подъехал к воротам Источника и к царскому водоему:
Опустошенный город пред ним лежал, и ворота были сожжены
огнем,

Так что не было места, чтобы пройти животному, что было
под Неемиею.

И снаружи были враги, готовые напасть на город,
И внутри города были лазутчики и себялюбцы,
Когда Неемия и бывшие при нем люди,
Укрепив на благое руки, восстанавливать стали стены.
И так и трудились они: как подобает строить людям:
Одною рукою — работали, держали в другой — копьё.

У

О, Господи, избави меня от человека с превосходнейшими
намерениями и нечистым сердцем: ибо нет ничего обманчивее
сердца, и нет ничего злее отчаявшегося сердца.

Санаваллат Хоронит и Товия Аммонитянин и Гешем Аравитянин:
они, несомненно, являлись ревностными выразителями общест-
венного мнения.

Сохрани меня от врага, которому есть что приобрести. и от
друга, которому есть что терять.

Да вспомним слова пророка Неемии: "Работать одною рукою,
оружье в другой держа наготове".

Те, кто сидят в доме, назначение которого позабыто и смысл
утрачен: они подобны змеям, что лежат на разрушающихся
ступенях, греясь на солнце.

А вокруг дома бегают иные, деловитые, как псы, лая и рыча:
"Этот дом — змеиное гнездо, разрушим же его,

Дабы покончить с этой мерзостью, с низостью и позором
христиан". И ни тем, ни другим не может быть оправданья.

А они пишут бесчисленное множество книг; будучи столь суетны
и безумея от безмолвия: всякий из них занят поиском средств
к самовозношению и сокрытия самоопустошенности.

Если не творить сокрушения в сердце своем и не очищать
сердце свое, не будет сокрушения и очищенья и в доме;
а если не будет их в доме, то не будет их и в Городе.

Человек, создававший в течении дня, должен к ночи к своему
очагу возвратиться: дабы принять от безмолвия благослове-
ние и иные безмолвья дары, и еще — чтобы вздремнуть перед
оном.

Но кругом нас — змеи и псы: посему трудиться они должны,
а другие — держать наготове оружие.

UI

Трудно не изведавшим гонений
И никогда не ведавшим ничего христианского
Поверить преданьям о гонениях на христиан.
Трудно живущим рядом с банком
Усомниться в сохранности и безопасности своих денег.
Трудно живущим рядом с полицейским участком
Вообразить торжество насилия.
Уж не думаете ли вы, что Вера уже победила Мир,
И потому уже нет нужды приставлять ко льву укротителя?
Надо ли вам объяснять, что всё, что случилось в прошлом,
всё это может опять повториться?

Неужто непонятно, что даже те приличные манеры,
Которыми вы так кичитесь в благовоспитанном обществе,
Ненадолго переживут Веру, благодаря которой, кстати, они
выработались?

Мужчины! полируйте ваши зубы по пробуждении и перед отходом
ко сну;

Женщины! полируйте ваши ногти:

Вы остриете, тем самым, зубы песьи и когти кошачьи.

Да, как это людям любить Церковь? Как могут люди любить Её
законы?

Она говорит им о Жизни и Смерти и о прочем — из того, что они
предпочли бы забыть.

Она милостива, когда они жестоки, и тверда, когда они мягко-
телы.

Она говорит им о Зле и Грехе и иных малоприятных фактах.

А они все время силятся убежать

Тьмы снаружи и изнутри

Посредством мечтаний о системах, столь совершенным, что чело-
веку уже не будет нужды ни быть добрым, ни к добру стре-
миться.

Так как человек, каков он ныне, всего лишь тень

Того человека, что, якобы, явится некогда.

А Сын Человеческий вовсе не был однажды распят за всех,
А кровь мучеников вовсе не проливалась некогда ради всех,
А Святые не посвящали жизни свои ради всех:
Но Сын Человеческий во все времена распинаем,
И потому должны являться Мученики и Святые.
И если кровь Мучеников должна обогреть ступени,
Нам должно прежде построить ступени;
И если Храм обречен разрушенью,
Мы должны прежде воздвигнуть Храм.

УП

В начале Б о г сотворил мир. Пустота и безвидность. Пустота
и безвидность. И тьма над лицом бездны.

И, когда появились люди, они, на разный манер, в муках,
боролись с Б о г о м, —

Слепо и тщетно, ибо человек суетен есть, и человек без Б о г а,
что семя на ветру: блуждает оно путями своими, туда и
сюда, и нигде не находит пристанища для укоренения и
прозябанья.

Люди шли вослед свету иль тени, и свет приводил их к свету,
а тень вела во тьму,

Они поклонялись змеям или деревьям, служа скорее демонам,
чем тому, что в мире ничто: взыскав жизни за пределами
жизни, восторга не по плоти.

Пустота и безвидность. Пустота и безвидность. И тьма над лицом
бездны.

И Дух носился над лицом вод.

И люди, обратившиеся ко свету и узнавшие о свете,
Изобрели Высшие Религии; и Высшие Религии были добры
И вели людей от света к свету, к познанию Добра и Зла.
Но свет их всегда бывал окруженным тьмою и обрывался во тьме,
Подобно тому, как воздух над морями в умеренных широтах
остужается вечно мертвым дыханьем Арктических течений;
И они приводились в тупик, приходили к концу, к смертному

концу, лишь как бы взбаламученному как бы отблеском жизни,
И они приходили к извечному взгляду утасающего дитяти, знающего,
что оно обречено на голодную смерть.

Молитвенные мельницы, поклонение умершим, отвержение мира
сего, исполнение обрядов, смысл которых утрачен и забыт,
Посреди знобучих, пересыпаемых ветрами песков, на склонах
холмов, где не держится снег.

Пустота и безвидность. Пустота и безвидность. И тьма над
лицем бездны.

Потом, в предустановленный час, настало мгновение времени во
времени, мгновение — не вне времени, но во времени, в том
смысле, в котором мы говорим об истории: расщепление,
разделение надвое мира времени,

Это было — мгновение времени, но такое, что чрез него время
начало быть: ибо без смысла не может быть времени, а это
мгновение придало смысл времени.

И казалось: теперь-то уж люди будут идти от света к свету,
в свете Слова,

Чрез Страдания и Жертву спасенные, несмотря на ущербность и
немошь существа людского;

Суть которого оставалась животной, как и всегда прежде, плот-
ской и своекорыстной, как и всегда прежде, себялюбивой и
ослепляющей, как и всегда прежде,

Но всегда в борении, всегда в возстании по падении, всегда в
утверждении на пути света, всегда в возобновлении шествия
по пути, освещаемом светом;

Часто останавливаясь, медля, блуждая, запаздывая, но всегда
возвращаясь на путь, никогда не сворачивая на иные пути.

Но, похоже, случилось нечто такое, чего никогда не бывало
прежде; хотя и не знаем мы достоверно, когда это произошло,
и почему, и как, и где.

Люди забыли Б о г а не ради иных богов, но, как они утверж-
дают, потому, что они совсем не нуждаются ни в каком божестве;
и такого доселе не бывало,

Чтобы люди, на словах отрицая богов, вместе с тем поклонялись

богам: сначала они почитали Разум,
А потом Деньги и Власть, или Силу, или то, что они называли
Жизнью, или Расой, или Диалектикой.
Церковь отвергнута, башни повержены, колокола низвержены, и
что остается нам делать,
Как не стоять с пустыми руками, раскрывая ладони,
В век стремительно прогрессирующего движения вспять?

Голоса безработных (вдали):

В стране
Этой хоть бы сигарета
На двоих была, да кружка
Пива горького...

Хор:

Что может мир сей сказать, должен ли он блуждать: в автомо-
билях сверхмощных безостановочно мчать?

Голоса безработных (еле слышно):

В стране
Этой нет для нас работы...

Хор:

Пустота и безвидность. Пустота и безвидность. И тьма над
лицем бездны. Подвела ли род человеческий Церковь? Или это —
человечество не оправдало надежд Церкви?
Если с Церковью больше не считаются, Ей даже не противятся,
и люди забыли
Всех богов, кроме Выгоды, Похоти и Власти.

УШ

Отче, мы рады Твоим словам
И готовим сердца к грядущему,
Помятуя бывшее.

Язычники вошли в наследье Твое,
И храм Твой они осквернили.

Кто это идет от Едома?

Он топтал точило один.

И пришел человек, и поведал о позоре Иерусалима х)
И об осквернении святых мест:

Петр Пустынник, бичевавший словом.

И среди внимавших ему, немногие были добрыми людьми,

И многие — злыми,

А большинство — никакими.

Подобно всем людям, каковы они, где бы то и когда бы то ни
было.

И пошли одни из любви к славе,

Другие — из беспокойства нрава и из любопытства,

Иные из отправившихся в путь были алчны и похотливы.

Многие оставили свои тела коршунам Сирии,

Многие потеряли свои тела странствуя по морю — на пути из до-
ма, или возвращаясь домой,

Многие потеряли души свои в Сирии,

Изжив их, утопив в разврате и продажности;

Многие возвращались надломленными,

Недужными, обнищавшими, обретая

Чужака во вратах своего имени:

Возвращались, обезумев от солнца Востока

И семи смертных грехов в Сирии.

Но король наш поступал в Акре, как должно.

И несмотря на все нечестие,

На поруганные знамена, на изуродованные жизни, на утраченные
жизни,

х) Речь — о Крестовых походах. "Наш король..." — вероятно, Ричард Львиное Сердце. Петр Пустынник (св.) — агитатор в пользу I Крестового похода (1050...+1115). — Прим.пер.

На потерю — там или где-то еще-веры,
От всего этого осталось нечто большее, чем просто басни,
Повествуемые в долгие зимние вечера стариками.
Только вера могла совершить всё доброе, что в этом было:
Полнота и совершенство веры в некоторых
И немощная вера множества и большинства.
Но не корыстолюбие, сластолюбие, вероломство,
Не завистливость, лень, чревоугодье, злословье, гордыня
Подвигали на Крестовные походы,
Хотя и смогли погубить их плоды.

Вспомынем ту веру, что брали с собой из домов своих люди,
Покидавшие дома свои по зову бродячих проповедников.
Наш век — время умеренности в добродетели
И умеренности в пороке,
Когда не станут ни отвергать Крест, ни повергать Его ниц,
Просто потому, что они и не верили в Крест никогда, никогда
на них Креста не бывало.
Но ничто не невозможно, но всё возможно
Для людей с верою и сознанием собственной греховности.
Посему, да очистимся мы, и да сотворим совершенную волю нашу.
О, Б о ж е, помоги нам.

IX

Сын человеческий! возри очами твоими и услыши ушами твоими
И вонми сердцем твоим, что увидено будет тобою.
Кто это выдумал, — якобы: Б о ж и й Дом есть Обиталище Скор-
би?
Якобы все мы ходим во всем черном и унылые корчим ~~лишь~~ гримасы,
ступая понуро,
Якобы вечно приходится нам среди стен в пустоте блуждать, а
голоса наши будто бы жалобно еле дрожат и говорим мы шепотом еле слышным
В мерцании слабого света немногих свечей?
Кто говорит так, тот приписывает Б о г у собственное свое
уныние, это — та скорбь, что должно бы испытывать тем людям

Из-за грехов и прегрешений, свершаемых ими каждодневно и ежечасно и при каждом удобном случае,

Однако они шествуют по улицам с гордыми головами на выях жестоких, что чистокровные жеребцы, готовые к скачкам,

Они украшают себя и вечно заняты торгами и заседаниями

И прочими светскими мероприятиями.

Они хорошего мнения о себе и всегда готовы к участию в любом празднестве,

Дабы улажить себя.

Да погребемся в уединенных кельях, учась путем покаянья,

Дабы научиться затем к причащению к радости святых.

Душе человека подобает быть скорой на творчество.

И из камня, у коего образа нет, но если художник соединится с таким камнем,

Родятся — всегда новые — образы жизни, живые образы, они возникают из души человека, слившейся воедино с душою камня;

Из лишенных смысла корыстных очертаний того, что существует ради житья, житейским или безжизненным являясь,

Но соединившихся со взглядом художника, родится новая жизнь, новые образы, новые краски.

Из моря звуков — жизнь является: музыка.

Из ила словесной мути, из нечленораздельных осколков и слякоти откликов, окликов и словес и словечек,

Из приблизительности мыслей и чувств и неточности слов, замещающих мысли и чувства,

Является совершенство упорядоченной речи и красота песнопений.

Г о с п о д и, не должны ли мы принести Тебе в дар все сии дары?

Не следует ли нам, творя служенье Тебе, принести Тебе все силы свои и все дарования наши:

Жизнь, достоинства и достоянья, милосердие, любовь к закону, — Умственные радости чувствований наших?

Г о с п о д у, сотворившему нас, угодно, чтобы мы творили, Ставя творенья свои Ему на служенье,

Ибо служенье ему — Богослуженье — всегда, всякий час, творимо,

Ибо в человеке соединены дух и тело,
Посему человек должен Б о г у служить и духом, и телом.
Видимый и невидимый — два мира — встречаются в человеке;
Видимое и невидимое — должны встречаться во Храме;
Невозможно отвергнуть тело.

И вот, теперь, вы увидите Храм завершённым;
После стольких борений, стольких препятствий;
Ибо труды сотворенья всегда с собою влекут страдания и муки;
Резной камень, зримое Распятые,
Украшенный алтарь, возносящийся ввысь свет свечей,

Свет

Свет

Зримое напоминание о Свете Незримом.

И

Вы видите: дом завершён, видите: он украшен
Руками в ночи пришедшего, и теперь этот дом посвящён Б о г у.
Теперь — это зримая церковь, ещё одна свечечка, затеплённая
на верху горы,
Дабы светить миру, что растерян и погружён во тьму и возмущаем
грозными знаменьями.
А мы? что скажем мы о будущем нашем? Неужто, всё, что в наших
силах воздвигнуть — это всего лишь эта, единственная цер-
ковь?

Или же мы сумеем приложить свои силы к делу Зримой Церкви,
побеждающей Мир?

Беликий змей, всегда в полузабытии, пребывает на самом дне
преисподней мира, свернувшись
Кольцами, в ожидании часа, когда ему позволено будет проснуть-
ся, дабы алчною пастью двигать туда и сюда, ища, кого бы
поглотить.

Но беззакония Тайна сия есть бездна, и слишком она глубока,
чтоб пронизали её смертного очи. Посему, прочь.

Прочь, дабы не оказаться среди тех, кто наделен золотыми глазами змеинными,

Среди тех, кто поклоняется змею, в жертву ему себя принося.

Выйдите из их среды и не сообщайтесь с ними.

Заповедано чрезмерно любопытствовать о Д_обре и Зле;

Нельзя надеяться на провиденье сквозь движение волн Времени;

Довольствуйтесь тем, что у вас есть светильник —

Светильник ноге вашей и свет стезе вашей.

О, Свете Незримый, мы восхваляем Тебя!

Ты слишком ярок для смертного взора.

О, Величайший Свете, мы благодарим Тебя за свет меньший:

За свечение ~~восточного~~ востока, что блистает поутру у нас на башнях,

За косые лучи заката на западных окнах наших в час вечерний,

За сумерки над заводью тихой в час, когда летают летучие мыши,

За свет луны, за звездный свет, за светящиеся глаза филина,
за мерцание мотылька,

За свечение светляка на травинке.

О, Свете Незримый, мы поклоняемся Тебе.

Прими благодаренья наши за свечи, что мы — ради Тебя — за-
теплым,

За свет алтаря и за свет святилища;

За свечечки тех, кто в молитве встречает свой час полунощный,

И за свет, преломленный цветными стеклами витражных окон,

И за свет, отраженный полированным камнем,

Золоченой резьбой по дереву, стенописью, росписями.

Мы смотрим из глубин объявших нас вод, но взираем ввысь

И видим свет: он дошел до очей наших, пробиваясь сквозь бур-
ные воды, дробясь на встреченных завихреньях.

И мы видим свет, но не его Источник.

О, Свете Незримый, слава Тебе!

В нашей жизни земной, в ритме её, мы устаем от света. И мы
радуемся закату дня, концу игры; а радость не по плоти
достается нам ценою многих страданий.

Мы — дети, немощные и скоро устающие: дети, просыпающиеся

среди ночи, и засыпающие, когда сверкает сигнал, когда
взлетает ракета; и день чересчур долгим представляется
нам — для игры или работы.

Мы утомляемся рассеянностью и устаем от сосредоточения, и спим,
радуясь сну,

Повинуясь ритму крови и дня и ночи и времен года.

И нам приходится гасить свечи и вновь зажигать их, угашать
и вновь возжигать огонь;

Вовеки гаснет, вовеки вновь возжигается пламя.

Посему мы приносим благодаренье Тебе за свечи, за наш малый
свет, испещренный тенями.

Мы благодарим Тебя, ибо Ты подвигаешь нас строить и обретать
образы на кончиках пальцев наших, и на концах лучей, исхо-
дящих из очей наших.

И когда мы воздвигаем алтарь Незримому Свету, мы можем затеп-
лить на нем наши малые свечи, ради света которых и было
.. даровано нам наше телесное зрение.

Благодаренье Тебе за то, что тьма напоминает нам о свете.

О Свете Незримый, прими благодаренья наши Тебе ради славы
Твоей великой!

§§§§§§